

Елизавета Секисова

*Воспоминания усадьбы,
или
Тайна голубого блокнота*

Елизавета Секисова
Воспоминания усадьбы, или
Тайна голубого блокнота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70509469

SelfPub; 2024

Аннотация

У Анны есть необычная способность – она может видеть воспоминания зданий, прикоснувшись к их стенам. Случайное видение знакомит нашу героиню с гимназисткой, которая хранит голубой блокнот. Жизнь девушки проносится перед глазами Анны, показывая ей переживания, любовь, тайну подземелья и трагическую кончину родителей во время гражданской войны. Получится ли у Анны отыскать таинственный блокнот, а может благодаря случайной встрече ей удастся встретить любовь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3.	31
Глава 4.	39
Глава 5	46

Елизавета Секисова

Воспоминания усадьбы, или Тайна голубого блокнота

Глава 1

Впервые я попала туда осенью. Серое небо грозило омыть землю водой. Дождь, периодически срываясь, бился о лобовое стекло, словно оплакивал, то ли закончившееся лето, то ли судьбу усадьбы, которую я желала посетить. За окном проносились чернеющие перепаханные поля, посадки, почти утратившие листву, река, воды которой могли посоперничать серостью с грозowymi облаками.

В поездку отправилась не одна. Я оказалась попутчицей двух женщин, любительниц старины и ужасных болтушек. Одна из них постарше в сером пальто и очках, вторая, визуально младше, яркая, экстравагантная женщина куталась в алый шарф. От города добрались до места на машине. Свернув с трассы, проехали по насыпной дороге между деревьев

и каких-то старых построек за покосившимися деревянным забором. Весь путь меня не оставляли лёгкий трепет волнения и предвкушения от соприкосновения с историей того места и ощущений, которые они могут мне подарить. Наконец слева показалось первое здание усадебного комплекса. Положа руку на сердце, могу сказать, что, увидев его издалека, я решила, что это и есть усадьба, но ошиблась. Мы остановились на небольшой поляне возле него.

Лицо овеяло свежим потоком ветерка, как только я, покинув, ставший душным, салон автомобиля, направилась к постройке. Из-за своей малообщительности я с трудом поддерживала разговор со своими попутчицами, хоть они оказались милыми дамами. Женщины вскоре отбросили идею разговорить меня и оставили одну. Что очень меня обрадовало.

Я подошла к строению. Скорее всего оно являлось хозяйственным помещением или конюшней. Выстроено, как и большинство зданий девятнадцатого века, из красного кирпича. Когда-то его белили, а теперь краска покрывала стены клоками. Заколоченные наглухо окна и двери не позволяли даже заглянуть внутрь. Ну и пусть. Вряд ли я обнаружила бы внутри что-то интересное. Попробуем по-другому. Я подо-

шла ближе и приложила ладонь к стене. И... ничего не произошло.

– Вот же, капризный какой, – расстроено прошептала я.

– Аня, – окликнула меня одна из попутчиц, вырывая из потока негодования.

– Ну мы, как и договорились, встречаемся у машины через два часа?

– Д-да, – замявшись, не сразу понимая о чем речь, ответила я.

Мне кивнули в ответ.

Если бы за мной наблюдали со стороны, то скорее всего приняли за сумасшедшую. Хожу, трогаю стены, бормоча себе под нос.

– Что ж, попробую ещё раз позже- пробормотала я, засовывая озябшие руки в карманы.

Опавшие листья укрыли мокрую от дождей тропинку. В воздухе ненавязчиво витал запах прелости. Впереди за живым забором из вечнозелёных туй прятался маленький невзрачный домик. Поросли девичьего винограда оплели и укрыли низенькое крылечко, будто бы пытаясь украсить его своими багровыми листьями. "Скорее всего дом для слуг." – подумала я проходя мимо.

И вот, наконец, впереди показался барский дом. Он стыдливо прятался в зарослях молодого орешника и клёна. Сердце забило чаще от предвкушения, и я, подавшись эмоциям поспешила вперёд. Дом в псевдоготическом стиле выглядела печально. Отпавшая местами штукатурка оголила дранку второго этажа, первый же из кирпича и белого тесаного камня, выглядел более сохранившимся.

Грусть и восторг, предвкушение и разочарование закружили меня в своём водовороте, рождая в душе новое чувство – щемящую тоску. Она осела в груди, охватила горло

спазмом, обостряя все мои чувства, скручивая их в прочную нить, которая потянулась к крыльцу, утягивая меня за собой.

Ведомая ощущениями, поднялась по обкрошившимися ступеням на крыльцо. В небольшом коридоре меня встретила старая, резная дверь. Белая краска на ней оцетинилась, словно цепной пёс, не доверяя уже никому. Сколько же раз её красили? Какой она была, когда в имении кипела жизнь? Когда её услужливо распахивали перед гостями или когда маленькие детские ручки пытались дотянуться до замка, желая поскорее попасть на улицу. Я пошла дальше, перешагивая мусор, поваленные гнилые доски. Деревянные полы угрожающе заскрипели под ногами, предупреждая о своей ненадежности. Жаль. Дальше не пройти. Пол второго этажа частично обвалился, как и крыша, лишая меня возможности рассмотреть верхние этажи.

Где-то из-за дома послышались приближающиеся голоса моих попутчиц, а затем, из-за угла, показались и они. Улыбнулись, увидев меня, и направились по еле заметной тропинке бывшей аллее, куда-то вглубь сада. Теперь я одна. Обрадовавшись этому, обогнула дом. Над головой зловеще каркнул ворон. С высоты старого дуба он, как будто с интересом, разглядывал нежданного гостя.

– Чтоб тебя, – непроизвольно вырвалось у меня, – Испугал.

Большая чёрная птица перелетела на ветку пониже и издала странный звук похожий на смех.

Я осуждающе покачала головой, заходя внутрь через небольшую дверь на первый этаж. Длинный коридор встретил угрюмым сумраком и звенящей тишиной. Первый дверной проем...

Меня поразила комната. Окна, дверь пронизывала псевдоготика, создавая таинственную, но тем не менее уютную атмосферу. Мне захотелось раствориться в пространстве, осмотреть каждую стену, каждую оконную раму потрогать и хотя бы на минуту увидеть, то, что было очень давно. Дом многое повидал на своём веку. Из роскошного особняка, после революции, превратился в туберкулезный диспансер. Он лишился красоты год за годом, всё больше обрастая больной плиткой и краской.

– Ну, что же, попробуем, – сосредоточенно потирая руки, прошептала я.

Коснувшись спиной холодной стены и приложив ладони к ней, закрыла глаза, стараясь слиться с домом, почувствовать его. Энергия старая, сонная, нехотя потянулась к ладони и кольнула её своими невидимыми нитями. Дом не хотел вспоминать былое. Закрывал воспоминания о больнице серой дымкой, стремительно отматывая время назад.

Наконец из-под пальцев по кирпичам потекли цвета, постепенно возвращая комнате первоначальный вид. В окнах появились стекла. Цветной витраж играл в лучах солнца, окрашивая стены и пол причудливым узором. В дверной проем вернулась светлая резная дверь. Каминные обломки сложились по кирпичику, даря комнате тепло. Языки пламени, изящно изгибаясь, плясали по поленьям. Я почти ощущала это тепло и терпкий запах древесины. Светлые стены, изысканный интерьер, в благородном зелёном цвете мебель. На каминной полке выстроились милые безделушки- фарфоровые статуэтки. Между диванчиком и креслом – круглый столик на резной ножке, покрытый кружевной скатертью. Без сомнения кружева Елецкие. Ни с чем не спутать их

узор и необычайную лёгкость. Губы сами собой расползлись в счастливой улыбке. У меня наконец получилось!

Мои способности – мой секрет, о котором не знают даже родители. Дар проявился спонтанно. Месяц назад по дороге домой у меня внезапно закружилась голова. Чтобы не упасть я схватилась за стену и провалилась в водоворот мелькающих перед глазами образов. А после того, как пришла в себя, еле успела забежать в ближайшую подворотню, где мой желудок беспощадно распрощался с обедом. С тех пор я учусь применять этот дар. Но работает он, как показывает опыт, преимущественно на старинных зданиях. То ли новостройкам не о чем рассказать, то ли в них нет души.

Воспоминание пошло рябью. Это что-то новое. В комнату вошла девочка. Хрупкая фигурка в платье гимназистки. Каштановые косы с вплетенными белыми лентами. Лёгкий румянец на бледном сосредоточенном личике. Она бесшумно подошла к диванчику, отодвинула его немного от стены. Из-за него упала на пол жестяная коробочка. Гимназистка открыла её, убеждаясь в сохранности, чего бы вы думали? Конфет? Вовсе нет. Внутри лежал голубой блокнот. Улыбнулась и выбежала на улицу, а дальше? Растворилась. С того места, где я стояла, ничего уже не увидеть.

Какая досада! Это было так захватывающе. Эдакий исторический фильм. Но вот первая серия закончилась, а желание увидеть продолжение осталось. Сделав несколько шагов к следующей комнате, вернулась обратно. В верхней части окна торчал маленький осколок стекла, полностью окрашенный краской. Из валявшейся под ногами гнилой доски достала ржавый, кривой гвоздь и аккуратно очистила стекло.

"Зелёное. Здесь и правда был витраж. – подумала я.

Следующие комнаты обрывками выдавали образы, размытые силуэты, и лишь девочка гимназистка всегда оставалась чёткой. Там, где она появлялась, видения становились цветными. Казалось, дом запоминал все связанное с её присутствием. Вот она совсем крошка, пытливыми синими глазами рассматривает рыжего кота. Потом уже старше, играет в куклы. Они в нарядных платьях, на кудрявых головках – кружевные капоры, румяные, большеглазые, так похожи на свою хозяйку. Вот гимназистка, сидит у окна, сосредоточенно записывает что-то в тот самый блокнот. Останавливается, перечитывает и снова пишет, периодически устремляет свой задумчивый взгляд за окно. Незаметно для себя покусывает

нежные губки. Она пишет, пишет, а потом кладет блокнот в жестяную коробочку и прячет в шкаф.

"Это её дневник", – мелькает догадка.

Я обхожу каждую комнату. И каждая делится со мной воспоминаниями. Дом грустит, замыкается, когда девушка уезжает в далёкий институт, приходит в себя лишь на каникулах, когда возвращается ОНА.

Да и понятно. Дома оживают с появлением детей. Счастье там, где слышится смех, там, где за одним столом собирается вся семья, где обмениваются улыбками, объятиями и подарками у пушистой рождественской ели.

Картинки мелькали перед глазами, голубенький блокнот прячется то в спальне за трюмо, то на кухне в буфете, но последним его убежищем оказался все таки диван. Да то самое первое видение.

Сказать, что я разочарована значит не сказать ничего. По-

ка я блуждала из комнаты в комнату, собрала со стен, наверное, всю пыль и паутину, а в результате вернулась к тому, с чего начала. Но не могу сказать, что это было зря. Увидеть почти "в живую" дизайн конца девятнадцатого века тоже многого стоит. Правда, раззадоренная я желала продолжения. Куда делся голубой блокнотик. Не зря же его увидела, и девушку увидела не зря. Так что же из этого следует? "Включаю режим гончей" – мысленно хихикнув, ответила сама себе, выходя на улицу.

Я едва не столкнулась лбом с одной из попутчиц, ведомая порывом.

– Извините, – смутилась я.

– Да, ничего, – махнула та рукой, – Я за тобой шла, увидели тебя в окне, и вот... Уже пора ехать.

– Да? – я посмотрела на время, – Ах, действительно. Как время пролетело. Идемте.

Я растерянно оглянулась. Не удастся мне сегодня ничего выяснить. Обидно правда, но не оставаться же мне тут. Возвращаться одной на попутках рискованно. Да и пешком идти достаточно далеко.

– Я ещё вернусь, – одними губами проговорила я, прощаясь с усадьбой.

Мы мчались в город. Дождь все-таки пошёл. Дворники монотонно бегали по лобовому окну, смахивая водяные дорожки.

– Нюта, – обратилась ко мне женщина в очках, – а вы слышали легенду об этой усадьбе.

– Нет, не слышала. О чем она? – оживилась я.

– Я слышала, хозяин усадьбы занимал высокое положение при дворе, а его дочь была фрейлиной её высочества. Говорят, императрица подарила ей браслет, который стоил целое состояние. Их семья была очень богата, но оказалось,

что многие ценные вещи исчезли. Это подтвердил управляющий. Кто-то утверждает, что пред арестом барин те самые ценности закопал на территории усадьбы, а в доме на одной из картин отметил местонахождение клада. Кто-то говорит о подземелье и тайнике. Но что из этого правда? – закончила женщина, поправляя очки.

"Становится все интереснее", – подумала я. Моё любопытство достигло небывалых высот.

– А никто не думал о том, что пока у усадьбы не было хозяев ценности, вещи, да много чего люди просто растащили, – пожала плечами вторая дама.

– Все может быть.

У женщин появилась тема для дискуссии, но меня не особо интересовал их разговор. Моё любопытство достигло небывалых высот. Сначала, я разберусь с блокнотом, а вот потом...

Глава 2

Кажется, ноутбук уже обжигал колени, но я продолжала бороздить информационные просторы, пытаюсь найти хоть что-то интересное о последних владельцах усадьбы. Короткая биография, сухие факты и даты. Познавательно, но бесполезно в моём случае.

А ещё эта простуда. Третий день столбик термометра упорно полз к отметке тридцать восемь. Голова болела, нос тек, как ниагарский водопад. Красные глаза, то ли от температуры, то ли от долгого сидения за монитором, горели.

Устало вздохнув, убрала ноуд с колен на тумбочку и, поправив в красную клетку пижамные штаны, отправилась на кухню за лекарствами. А там как обычно: на голодный желудок все эти таблеточки-сиропчики пить не будешь, поела. Тарелка супа с фрикадельками как-то быстро кончились. А это хороший знак. Посмотрела на серый мир за окном, потупила в телефон. А после обеда случилось удивительное – я уснула. Я-человек, который перестал спать в обед в полтора года, честно поддерживая эту традицию целых двадцать лет, уснула.

Мне снилась усадьба. Мрачные коридоры и комнаты бесконечно тянулись и казались лабиринтом. И голос, далекий голос звал из непроглядной тьмы. В одной из комнат у стены стояло старинное зеркало. Свет, падавший из оконного проёма, образовал тоннель в сумраке, освещая резную позолоченную раму. Пылинки кружили в воздухе, мерцая на свету. Я подошла к зеркалу и в удивлении замерла. В отражении стояла не я, а гимназистка. На минуту мне показалось, что она удивлена не меньше меня. Некоторое время мы так и стояли, глядя друг на друга. А потом зеркальную гладь исказили трещины, а меня с силой вытолкнуло из сна.

Прошло около месяца. За работой, бытовыми проблемами время пролетело незаметно. А может оно пролетело только потому, что я каждый день не оставляла мысли о скорейшем возвращении в усадьбу.

В один из пасмурных ноябрьских дней я снова отправилась в путь. Ещё сонные улицы города, встретили меня бодрящим холодом. Автостанция, билет на автобус, и вот мы едем. Почти пустой салон, на фоне монотонно вещает радио. Дорога тянется от одной деревни к другой, утопая в густом тумане, который поглотил нас сразу же за городом. Вот и моя остановка. Около двадцати минут пришлось идти пешком, почти на ощупь. Мир вокруг замер, как будто остановили время. Вот из белесой пелены выступили въездные стол-

бы в усадьбу. Бодро прошагав мимо покосившихся заборчиков и построек, вышла к каретному двору. Туман, хоть и начал редеть, но пока все ещё плотной пеленой окутывал лес. Моё бурное воображение дорисовывало таинственные силуэты людей, животных из пней, кустов и поваленных в грозу деревьев. И от этого становилось жутковато. Как говорится – "У страха глаза велики"

Усадьба таинственно выступала из белесой мглы. Её ржавые шпили, покосившиеся башенки и остроконечные окна, стремящиеся ввысь, смотрелись особенно органично. Я могла бы применить свой дар и увидеть её в самом рассвете, но сейчас интересовало совсем другое – воспоминания о голубом блокноте.

Нужно было перевести дух.

Присев на ствол упавшего замшелого дерева, оглядела фасад. Достала из рюкзака телефон и открыла старую фотографию усадьбы, сравнивая ее с действительностью. А в действительности на крыльце не оказалось литого козырька и герба. На фотографии невозможно разобрать, что на нем изображено. Да и ладно, дома поищу информацию.

– Когда гимназистка выбежала из дома, то направилась в сторону парка. Значит от крыльца будет лучший обзор.- рассуждала вслух, осматривая местность.

Я встала к крыльцу спиной, прижав руки к холодной,

влажной стене. Глубоко вздохнув, закрыла глаза, настраиваясь. Энергия дома лениво начала проникать в моё сознание. Я увидела праздник. В саду расставлены столы с угощениями и напитками. Серые полуразмытые силуэты дам и господ, прогуливались между яблонь и слив. Неподалеку дети затеяли игру под чутким присмотром гувернантки. И вот показалась наша героиня. Лёгкое белое платье с рюшами и кружевами облегло её хрупкую фигурку. Волосы, украшенные лентами, красивыми волнами спускались на плечи. Её обступили со всех сторон. "У неё день рождения", – поняла я. После того, как большинство гостей вручило подарки, к девочке подошёл подросток лет шестнадцати. Удивительно, но он не был размытым, как и все остальные гости. Светлые волосы волной падали на лоб, а на контрасте с темно-синим костюмом и вовсе казались пепельными. От него исходила приятная энергетика, уверенная, сильная. Я видела, как девочка, смущенная его вниманием, робко приняла подарок. И... Это был тот самый блокнот. Парень что-то говорил, а она с восхищением поглядывала на него и улыбалась.

Что это? Первая любовь?

Воспоминания сменяли друг друга. Мимо проносились года, меняя обитателей усадьбы.

В уже более поздних воспоминаниях гимназистка и блондинчик часто прогуливались по аллее. Рядом с ним она часто смеялась, но временами, когда показывала записи из блок-

нота, начинала смущаться и покусывать губы. Молодой человек одобрительно кивал, комментировал, а может хвалил. После таких прогулок девушка, как на крыльях спешила домой, воодушевленная, с лёгкой улыбкой на лице.

Я не заметила, в какой момент у блондина появились чувства к гимназистке. К слову, она к тому времени подросла и удивительно похорошела. В отражении его зеленых глаз была только она. Его манили синие очи, россыпь веснушек, румянец на щеках. Хотелось быть рядом, придерживать ее за руку, целовать нежные пальчики. Он и сам не понял, когда эта смешливая девчушка успела занять так много места в его душе, но точно осознавал, что не просто оставит это место за ней, а безропотно преподнесет все свое пылающее сердце целиком.

Рядом хрустнула ветка. Я вздрогнула и повернула голову. В нескольких шагах от меня на тропинке стоял парень. Он с удивлением рассматривал меня. Под его пытливыми серыми глазами я почувствовала себя, инфузорией под микроскопом на уроке биологии в шестом классе. Примерно с таким же удивлением я ее тогда изучала. От подобных мыслей передернула плечами.

– Вам плохо, – заговорил незнакомец.

Я отрицательно мотнула головой. Засовывая, успевшие замерзнуть руки в карманы.

– Вовсе нет. Наоборот, все хорошо. – как можно безразличнее ответила я.

Парень, как будто в насмешке, поднял бровь. Не спорю, вероятно в этот момент я выглядела странной, комичной, может даже сумасшедшей, но оправдываться не перед кем не собиралась.

Мы все еще стояли, осматривая друг друга. У обоих роились мысли в голове. У каждого свои. Момент затягивался. Нужно было что-то предпринять.

– Вы приехали посмотреть усадьбу? – неожиданно выдала я.

Конечно, очевидно же. Зачем ему еще сюда ехать. Хотя если подумать, то еще пара вариантов найдется. Но, не маляк же он в самом деле.

– Верно, – парень хмыкнул, – У тебя сейчас такое лицо, будто я прямо перед тобой человека расчленил.

– Я так не думала, – слишком поспешно и громче, чем хотелось, ответила я, – Хотя может и расчленил, но не при мне. Откуда мне знать?

Сказать- сказала, но даже как-то стыдно стало.

Парень рассмеялся, поправляя лямки рюкзака за спиной.

– Ага. И сюда принес. Да, ладно. Я тоже удивлен. Одинокая, симпатичная девушка в лесу на развалинах. Одна! – выделил он, – Очень странно. Уж не жертвоприношение ты здесь проводишь? А может ты ведьма? С духами разговариваешь?

Парень смешно поиграл бровями.

– Почти угадал, – улыбнулась я, наконец, отлипая от сте-

ны, – Ты фотограф?

– Проницательная, – незнакомец подошел ближе, глядя на меня сверху вниз, продолжил, – приехал снимать пейзажи, а нашел подходящую модель. Хочешь попробовать позировать?

Я задумалась. Чувствовала себя смущенно и неуверенно. Смогу ли я?

– Соглашайся. Это интересный опыт. Если фотки не понравятся удалю при тебе.

– Ну давай попробуем, – все еще сомневаясь, ответила я, – Куда вставать, что делать?

– Меня, кстати, Дима зовут, – раскрывая свой рюкзак, представился парень.

– Аня, -ответила я, рассматривая содержимое рюкзака.

– Интересно? – Заметив мой взгляд, поинтересовался он.

– Да. Столько всего.

– На самом деле, не так уж и много, но здесь все самое необходимое. Несколько лет разбирался, что нужно, что нет. Подбирал технику, объективы...

Оказавшись в своей стихии, Дима начал оживленно рассказывать мне о своем занятии. Причем объяснять у него получалось так легко. Я как будто загипнотизированная слушала его голос. Он приносил уверенность в нем и самой себе.

Первые минуты, первые кадры я чувствовала себя скованно, но потом расслабилась. Помогли забавные истории, которыми в изобилии делился Дима. Все было ненавязчиво и

просто. Периодически парень заботливо уточнял не устала ли я, комфортно ли мне. И эти, по сути, простые вопросы были очень приятны.

– Ань, не могла бы ты подойти к тому вот дереву, – Дима указал направление рукой, – И встать ко мне спиной.

– Без проблем.

На пути лежала упавшая с крыши башенка. Она, как и весь второй этаж дома, оказалась деревянной, что, к слову, меня удивило, ведь раньше я не предавала этому значения. Я переступила ее и... начала проваливаться вниз. В этот момент я словно видела себя со стороны. Потеряв равновесие, я по инерции полетела вперед, выставляя вперед руки, чтобы зацепиться за что-нибудь и не удариться головой. Но под руки ничего не попало, только грязь под ногти. Я упала в темноту, ударяясь о что-то головой. Последнее, что помню – серое небо в проеме и лицо Димы полное ужаса.

Ход тянулся бесконечно долго. Где-то с потолка капала вода. Такое бывает по весне, когда грунтовые воды слишком сильны. Вода гудит, но стены, своды, старинная кладка – неприступны. Коридор периодически сворачивает, освещенный светом лампы.

Раз, два. Длинный ход.

Три, четыре. Поворот.

Белый камушек найди.

Клад скорее отыщи.

Громкий детский голосок непрерывно скандирует считал-

ку. Смеется заливистым колокольчиком. Как же громко и жутко. Хочется заткнуть уши.

– Аня! Аня, очнись! – меня трясут за плечо.

– Ч-ш-ш, -хмурясь, открываю глаза, – Что ты творишь?

– Что я творю? Беспокоюсь конечно же! Как ты? Голова кружится? Сколько пальцев? – Дима замельтешил рукой у лица, – Все тело чувствуешь?

– Да, перестать. Все хорошо, – отмахнулась я.

– Давай помогу подняться. Я уже собирался скорую вызывать.

– Перестань. Чуть голова болит, но это я приложилось ей о что-то, – потирая шишку на голове, морщась, пробурчала я.

– Блин, прости, – начал сыпать извинениями парень.

Я усмехнулась.

– Интересно, за что ты извиняешься? Ты меня сюда скинул или может быть яму эту вырыл? Это случайность, пусть далеко неприятная. Кстати, ты сюда как спустился?

Я аккуратноненько, проверяя свое тело на целостность, села.

– Когда ехал, видел у старого дома лестницу, – отмахнулся Дима, – Давай попробуем подняться.

Поднялись. Стряхнула с себя влажные прелые листья и комья земли, оглядела. М-да. Принцесса- замарашка, ни дать, ни взять. Попытки привести внешний вид в порядок не увенчались успехом, только грязи больше развела. Вздохнула.

– А я смотрю ты внимательный. Я здесь второй раз, а лест-

ницы не замечала.

Парень пожал плечами. Видимо все еще переживая, за меня осматривал со всех сторон. Сгибал руки, ноги в коленях. Мне даже стало неловко от чрезмерной заботы. Придав голосу шутливую интонацию, спросила:

– Может тебе еще язык показать?

Дима замер, потом приподнял бровь.

– Пошутить еще. Язык без костей, вряд ли сломала. Все, вы-бираемся.

– Подожди. Тебе не интересно, что там?

Проследив за моим взглядом, нахмурился.

– Нет.

– Почему, – удивилась я.

– Опасно.

– Да ладно, -махнула я рукой.

– Вот еще. Ты кожу на руках счесала, в ранах грязь. Зара-жения хочешь? Идем в машину, обработаем.

Я поджала губы.

– Ну тогда...

– Нет! – парень неумолимо сложил руки на груди.

– Ты. Туда. Не. Пойдешь. – твердо по слогам проговорил он.

Ого, как он оказывается умеет. Включил то ли папочку, то ли альфа-самца. Ну ладно-ладно.

– Ну, вылезает, так вылезает, -смирненно согласилась я.

– Что ты там задумала? Стой! Все равно ведь полезешь, я

прав? – сверля мой затылок взглядом, уже как-то обреченно спросил Дима.

Успев уже забраться на несколько ступеней вверх, я тихо победоносно хмыкнула.

– Ты необычайно проникательный.

Видимо мне попался истинный джентльмен. Он не стал упрекать меня в том, что мы только познакомились, а я из него веревки вью. Может из-за того, что он чувствовал себя виноватым, а может ему действительно стало интересно, куда выведут ходы. В общем, он согласился исследовать со мной ходы. Достав из рюкзака фотофонарь, мы пошли по тому, который вел к дому. Выход оказался заложенным.

Я почти сразу поняла, что Диму затянуло наше приключение. Он начал строить догадки о возможном использовании хода. Я улыбалась его версиям, чувствуя себя абсолютно счастливой.

По коридору потянуло сквозняком. Где-то вдалеке завывал ветер, эхом разносимый по подземелью. Кладка из красного кирпича выглядела очень старой и таинственной. Я представила, будто это лабиринт старого замка, который приведет нас к сокровищам, ну или, если не повезло, в застенки к инквизиторам. От последнего стало не по себе.

– Дим, ты был когда-нибудь в Питере?

– Да.

– В комнате пыток был?

– В Петропавловской крепости?

– Ага.

– Был. Почему спрашиваешь? Неужели из нас двоих ма-
ньяком оказалась ты? – наигранно испугался он, – Может
впереди пойдешь? Я прям представляю, как ты подбираешь
камень с пола и тюкаешь меня по голове.

– Эх, камней под ногами нет, – решила подыграть я.

– Так почему вспомнила?

– Воображение разыгралось.

– Кстати, кто знает, может в этом подземелье в стены лю-
дей замуровывали, – нагнетая обстановку, прошептал Ди-
ма, – глянь, вон и кладка неровная, -но увидев мое лицо, по-
серьезнел, – Шучу.

– Не свети в глаза, шутник, – хлопнув носом попросила я.

– Замерзла?

– Нет, здесь теплее, чем снаружи, почему-то.

На минуту задержавшись, я дотронулась пальцами до
кладки, проводя по ней.

– Раз, два, – раздалось в ушах.

У меня по спине пронеслись мурашки, я одернула руку.
Прежде я не слышала звуков при контакте с домами. Мотнув
головой, решила попробовать еще раз.

– Раз, два. Длинный ход.

Три, четыре. Поворот.

Сковывающий душу искаженный смех...

– Белый камушек найди.

Клад скорее отыщи.

Пересохшими губами отрывисто вздохнула.

– Впереди выход, -донесся словно из тумана голос Димы, – обрушен. похоже выход взорвали.

Парень осматривал обвал, оббитый потолок. Ход был завален не до самого верха. В щели дул ветер, вызывая завывание.

– Обратно? – с надеждой спросил Дима.

– Да. Тут больше не на что смотреть.

Он поспешил назад, увлекая меня за собой, словно боялся, как бы еще какая дурная идея меня не посетила. Когда выбрались на поверхность, на землю опускались сумерки. Похолодало. Я подобрала оставленный у стены рюкзак.

– Ты сюда, вообще, как добралась? – вытаскивая из подземелья лестницу, спросил парень.

– Сначала на автобусе, потом пешком, – обдумывая увиденное и услышанное в подземелье, я ответила на автомате.

Дыру Дима заложил досками, на всякий случай, чтобы никто в нее не угодил.

– Пошли. Темнеет уже. Да и холодно. Подвезу.

– Спасибо, -я назвала адрес.

Машина мчалась по трассе в быстро наступившей темноте. А я все думала, думала. Дима не отвлекал, лишь поглядывал на меня с любопытством.

– Почти приехали.

–Так быстро? – удивилась я.

– Угу. Ты такая милая, когда спишь. Не доверяешь? –

усмехнулся парень, – После всего, что с нами сегодня произошло?

– В смысле? – не поняла я.

– Адрес не твой, магазин, – как маленькой объяснил мне.

– Не в этом дело, – покраснев, ответила я, – Просто зайти нужно. Домой купить кое-что.

– Могу подождать, – с полуулыбкой предложил Дима.

– Да ладно. Я рядом живу. Спасибо, что подвез. И что спасибо тоже спасибо.

Неловко. Уходить совсем не хотелось. Я старательно запоминала лицо. Серые задумчивые глаза, неглубокую складочку между бровями, подбородок с ямочкой, лёгкая щетина.

– Сколько тебе лет, – почему-то захотелось узнать мне.

– Двадцать восемь, – улыбнулся Дима, – А тебе?

– Двадцать один.

– Я думал меньше.

Чувствуя, что краснею, улыбнулась.

– Мне пора. Пока.

– До встречи.

Мы еще встретимся? Ну раз он так сказал.

Глава 3.

У каждого, я думаю, были такие дни, когда с самого утра начинается литься негатив. Те, кто работает с людьми, меня поймут. Началось все с того, что из кабинета фурией вылетела женщина.

– Девушка, зачем вы врете? – накинулась она с претензией.

– Простите? – не поняла я.

– Зачем вы врете клиентам?

– Когда же я вам солгала? – удивилась я.

– Когда я записывалась на услугу, вы мне сказали, что наращивание ресниц длится два часа. В результате я провела там четыре. Из-за вас я опоздала на маникюр

– Мне жаль, но в этом нет моей вины, – как можно спокойнее, пыталась говорить я.

– Да что вы! – взвизгнула женщина.

Ее щеки покраснели от возмущения.

– Я администратор. Мои обязанности – озвучивать информацию о услугах, предоставленную мне мастерами. Я ничего не говорю от себя и не отвечаю за работу мастеров.

В результате мне пришлось выслушать долгий осуждающий монолог в свой адрес, в адрес мастера и сделать скидку. В перерыве на обед наш дружный коллектив подумал и решил, что это ретроградный Меркурий.

Чем бы это не было, домой я ехала абсолютно вымотанной. Мутные волны раздражения накатывали по любому поводу. За окном проплывали мокрые улицы, серые дома, грязные обстановки. И тут повалил снег. Первый снег в этом году. Пушистые крупные снежинки кружились за запотевшим окном автобуса, укрывая землю. Мой мозг словно перезагрузился. Детский восторг охватил мое сознание. Хотелось поскорее покинуть душный салон и полной грудью вздохнуть вечернюю свежесть.

Снег весело хрумкал под ногами, переливаясь в свете фонарей. Не доходя до магазина, у которого в прошлый раз меня высадил Дима, остановилась, вспоминая тот вечер. Витрина ярко мигала гирляндами, создавая новогоднее настроение. Первое декабря, первый снег. Чтобы стало символическим, нужно еще что-то первое.

Снова вспомнился мой случайный знакомый.

– Вот же, – мотнула головой.

– Злишься? – слышалось из-за спины.

Вот его то я меньше всего ожидала сегодня встретить. Дима.

Из-под заснеженного капюшона поблескивали смешинками глаза.

«Смеётся? На до мной? Что он там надумал? Может, что я жду его, как Каштанка столяра на морозе?» – метались мысли в голове.

За эти секунды я успела покраснеть, побледнеть и оне-

мать, что, собственно, глупо. Хотя, о чем это я. Все это время, я хотела, чтобы он нашел меня. Винула себя, что не дала ему свои контакты, объясняя это фотосессией. Конечно, кому не захочется красивых фотографий от фотографа-симпатяжки. Да любая захочет и не только фотки. Но, с другой стороны, проявлять инициативу с мужчинами совсем не мое. Вот и ждала, когда он. А он...

– Я не злилась. Привет. – включила в себе обаяшку.

– Не знал, как тебя найти. Фотки мы тогда так и не посмотрели. Вот и решил подождать здесь. Рассчитывал исключительно на удачу и близость твоего дома.

– Значит фотки.

– Может в кафе? Я приглашаю.

Выжидающий взгляд. Хотя нет, самоуверенный.

– Пошли, раз фотки ждут. Не откажусь от латте с карамелью.

Улыбка довольного Чеширского кота и вот парень повел меня в кофейню. К слову, очень хорошую.

В помещении аппетитно пахло свежесваренным кофе и выпечкой. Оставив меня за уютным столиком, Дима отправился к бариста сделать заказ. Я украдкой разглядывала его. Эх, даже со спины красивый. И ему, удивительно, все идет. Словно подслушав мои мысли, парень обернулся, мило улыбаясь. Даже слишком мило и массово поражающе, поэтому кроме меня теперь на него любовалась большая часть посетительниц. И это задевало.

– Ну что там получилось в результате? – отпивая ароматный латте, поинтересовалась я.

– А получились очень даже круты снимки, зря ты в себе сомневалась.

– Когда это я в себе сомневалась? Хотя да, может и сомневалась. Не важно.

– Как скажешь. Пирожное попробуй, вкусное очень, – отпив свой кофе, сказал Дима, пододвигая ко мне тарелку с десертом.

– Разве ты не себе взял?

– Тебе.

– А...

– Нисколько, если ты о цене. Я ведь могу угостить тебя, как джентльмен?

– Как джентльмен можешь. А угадывать ход мыслей тебя случайно не Шерлок учил, – усмехнулась я, пробуя десерт, – Используешь дедукцию? Кстати, вкусно. Ты определенно знал, что заказать.

– Насчет Холмса не уверен, а вот насчет пирожных, права. Я люблю сладкое и попробовал здесь все.

– М-м-м, – это все, на что я была способна с набитым ртом.

– Любишь читать? – подперев голову кулаком спросил парень.

– Люблю. Всё, – доедая последний кусочек, – Готова смотреть фотографии.

– Я пересяду к тебе. Так удобнее смотреть будет.

– Конечно, – освобождая ему место рядом, ответила я.

Он совсем рядом. Немного склоняется надо мной. Я чувствую его тепло. Аромат парфюма окутывает пространство вокруг меня, волнуя мое сознание.

На экране телефона мелькают кадры. Портреты. Мои портреты! Но на них как будто другой человек.

– Это я?

– Ты. Точнее такой тебя вижу я, – он отвечает таким проникновенным голосом, от которого мурашки бегут по телу.

Его дыхание совсем рядом. Наши колени соприкасаются под столом, а я одергиваю себя, отстраняясь немного, как будто меняю позу на более удобную. Совсем голову потеряла.

Девушка на фото выглядит нежной, ранимой и в то же время серьезной и таинственной. Каждая фотография несет разный спектр эмоций.

– Чудесные фотографии. У тебя определенно талант. Будешь их куда-то выкладывать?

– А ты не против?

Пожимаю плечами. Дима молчит, а я слушаю, как он дышит.

– Можешь выложить, если хочешь. И мне ссылку скинь, хочу оставить на память.

– Хорошо. Куда переслать?

– В ВК можешь.

– Лучше ссылку в WhatsApp пришлю. Диктуй номер.

Через минуту в сообщения прилетела ссылка.

Я бы так и сидела в этом кафе, но сказка, так быстро нарисованная воображением, вот-вот должна была закончиться. Фотографии мне переслали и теперь нас ничего не связывает. Да и не может у него не быть девушки. Наверно, нужно уйти первой, а не ждать пока это сделает он.

– Спасибо, Дим.

– М?

– За фотографии, кофе, приятный вечер, но мне пора.

– Да, – парень подозвал официанта, чтобы оплатить чек.

Я поднялась из-за стола, поправляя приталенное черное платье, потянулась за пуховиком.

– Позволь помочь, – парень опередил меня, помогая с верхней одеждой. Поправил воротник, накидывая мне на голову капюшон, – Теперь точно не замерзнешь.

Быстро накинул куртку сам и, придерживая дверь выпустил меня на улицу.

– Я провожу тебя.

И по интонации не было понятно он утверждает или спрашивает. Больше всего в жизни мне нравится ясность. Эх, мне б сейчас ясность ума, а не ту мозговую кашу с приправой из розовых соплей, которые сейчас властвовали у меня в голове.

– Ну пошли.

Мы шли и снег шел. За время, проведенное в кафе, он

укрыл ровным пушистым покрывалом все вокруг. У статуи Ленина на голове появилась снеговая шапка. Правильно, не гоже дедушке зимой без шапки. На домах и витринах мигали огоньки, мимо пролетали машины, а я просто наслаждалась прогулкой.

– У тебя было такое ощущение, что ты видишь человека впервые, а кажется вечность знаком? – вдруг спросил Дима.

– Это когда человек кажется тебе настолько родным, что хочется его обнять?

– Да.

Я оглянулась на заснеженный подъезд пятиэтажки.

– Да было однажды.

– Тогда ты обняла того человека?

– А ты?

Свет от фонаря падает так, что я вижу только нижнюю часть лица. Покрытый легкой щетиной подбородок с ямочкой и полуулыбку.

– Тогда нет, но думаю, это стоит компенсировать.

Всего два его шага и я оказалась в объятьях.

– Мы пришли? – почти на ухо спрашивает меня.

Растерянно киваю головой. И почему-то чувствую, что так и должно быть. Все происходящее сейчас настолько правильно и хорошо, что даже с места двигаться не хочется.

– Тебе уже пора или еще погуляем?

– Боюсь, что уже пора, – с грустью отвечаю я.

Меня нехотя выпустили из кольца рук.

– Пока. Теперь я знаю, где ты живешь. Жди в гости, – смеется парень.

– А я и не против, – улыбаюсь в ответ я, – Пока.

Подхожу к двери, копаюсь с домофоном, но прежде, чем войти оглядываюсь. Он все еще стоит и смотрит на меня. Помахав рукой, вхожу в полумрак подъезда.

Укутавшись в одеяло, бездумно листаю ленту новостей с блаженной улыбкой на лице. А в мыслях только его голос, запах, руки и бесконечная череда фантазий. Сложившись в позу эмбриона, обхватила себя руками, стараясь уснуть. Никак. На тумбочке завибрировал телефон.

– И кому я там понадобилась?

«Спишь?»

Я зажмурилась от предвкушения.

«Еще нет».

Отправила в ответ. Боюсь, что этой ночью я вряд ли высплюсь.

Глава 4.

За постоянными переписками и встречами с Димой незаметно пролетела зима. Наши внезапно начавшиеся отношения развивались стремительно, полностью поглощая в водовороте событий. Идея найти голубой блокнот ушла на второй план. Как я узнала позже, фотография для Димы была хобби. На самом деле он работал в IT-сфере. Несколько раз я пыталась расспросить его о ней, но, честно говоря, ничего не поняла. Даже несмотря на свою занятость, парень всегда находил на меня время.

В один из солнечных февральских дней Дима повез меня за город. Солнце, чувствуя скорый приход весны, начало припекать. Повсюду слышался щебет птах. Если бы не одно, но...

Когда парень говорил мне о базе отдыха, он не упомянул, что это горнолыжная база. Никогда не чувствуя тягу к спорту, я и на обычные лыжи косо смотрела, а тут горные. Но окончательным ударом под дых оказалось то, что просто отшутиться и погулять у меня не выйдет. Пропуская мимо ушей мои «а может не надо, вдруг я себе руку сломаю, у меня ноги от страха трясутся и вообще я высоты боюсь» меня на аркане затащили в прокат, снарядили с ног до головы и отправили учиться кататься с инструктором.

– И нечего на меня волком смотреть, потом еще спасибо

скажешь, – вот с этими словами, чмокнув меня на прощание в лоб, меня бросили на растерзание. Как мне тогда показалось.

Я стояла у подножия склона. Рыхлый февральский снег, отражая солнечные лучи, слепил глаза. Наблюдая, как остальные люди в ярких костюмах лихо режут склон на лыжах и сноубордах, я загорелась желанием научиться также. Хорошо, что с инструктором, которым оказалось женщина, мы быстро нашли общий язык, и почти через час я, поняв технику, могла самостоятельно спускаться.

Теперь адреналин разжигал кровь. Дима постоянно был рядом и контролировал мои спуски. В какой-то момент, поверив в себя, я перешла на более сложную трассу, потом опробовала небольшой трамплин и резкий переход с одной трассы на другую. И меня затянуло. Мне нравилась скорость, перекаты трассы. Страх исчез, оставляя восторг.

Правда через пару часов меня снесла усталость. Казалось, я чувствовала каждую мышцу своего тела, поэтому в прокате у меня не было сил стянуть тяжелые ботинки. Довольный собой Дима опустился на колени помогая с креплениями.

– Ты точно никогда раньше не каталась? – извлекая ногу из ботинка, уточнил пареньь.

– Это ты сейчас поприкалываться решил, – хихикнула я.

– Не-а, – помотал головой, – Уж очень быстро ты освоилась.

– Сам говорил, что я очень талантливая, видимо оказался

прав.

Я следила как его ладони медленно поднимались от щиколотки выше, как бы прощупывая мышцы.

– Ай, – сжалась я.

– Больно? – отмечая мою реакцию, обеспокоился Дима.

– Немного.

– Мышцы забились, такое бывает. Позже сделаю массаж. – одергивая штанину, парень переобул меня и вывел на улицу.

Солнце заходило за вершину. Мы стояли на веранде кафе и смотрели, как небо окрашивается в оттенки розово-голубой палитры. На снегу появились глубокие синие тени. Я, оперившись на перила, наблюдала, как мир погружается в темноту. На базе зажигались фонари.

Дима обнимал меня со спины, создавая ощущения защищенности, нежности и уюта. Его дыхание согревало щеку.

– Поехали домой, – прижав меня еще крепче, предложил Дима.

– Домой? К кому домой? Или вообще домой? – откинув голову к нему на грудь, уточнила я.

– К нам домой, – разворачивая меня к себе лицом, ответил парень, – Давай жить вместе. Хотя нет, не то. – взяв мою ладонь, он закопался в кармане, – Ты станешь моей женой?

Кажется, мое сердце пропустило удар. Сейчас он не смеялся. Показалось, что в ожидании моего ответа, черты его лица заострились, хоть в глазах искрилась нежность.

Конечно же я знала, что соглашусь. Еще тогда в усадьбе, а

потом в машине и кафе, я поняла, глядя в его серые льдистые глаза, что готова идти за ним по проводам, если позовет. Но напоследок решила повредничать, чтобы Дима знал, с кем связывается.

– Ну, даже не знаю, – протянула я, – Знаешь, я очень вредная.

Он закатил глаза, пытаясь спрятать улыбку.

– Не замечал.

– Я храплю.

– Будем храпеть дуэтом.

– У меня скверный характер.

– У всех свои недостатки, – целуя меня, уже не сдерживаясь, смеялся Дима, – Буду считать это согласием.

– Но я еще не согласилась.

Мне аккуратненько на пальчик одели колечко и, бесцеремонно закинув на плече, понесли в машину.

– Дома согласишься.

Вот так круто в одно мгновение изменилась моя жизнь.

Ночью мне снилась усадьба. Пустые глазницы окон смотрели на меня чернотой. Подземелье, тускло освещенное лампой, детский смех, считалка. Я металась во сне разбудив Диму. Он прижал меня к себе, успокаивающе гладя по спине.

– Кошмары, – окончательно проснувшись, хриплым ото сна голосом спросил парень.

– Нет. Просто странный сон. – уткнувшись носом в его грудь, ответила я, вдыхая, ставший таким родным запах его

кожи.

– Ты говорила во сне.

– Что я говорила, – прокручивая в голове обрывки сна, заинтересовалась я.

– Что-то считала, говорила, что приедешь или уже едешь... Не разобрал. В любом случае, куда это ты от меня намылилась?

Дима приподнялся на локте, соорудил рассерженную физиономию.

– Очевидно в усадьбу. Мне она снилась.

– Наверно она тебя впечатлила, вот и снится.

– Не в этом дело, – вздохнула я.

– А в чем?

– Если я расскажу, ты решишь, что я сумасшедшая.

– М-м, – протянул Дима, – Не думаю.

– Ну, сам напросился, – я набрала в легкие побольше воздуха и выпалила на одном дыхании, – Я могу видеть воспоминания старинных домов.

– Ну допустим.

– Тебя это не смущает? Твоя девушка видит то, что никто больше не видит. Старые переживания, страхи, тайны, все то, что происходило в стенах дома, ну или почти все.

– Знаешь, звучит загадочно. Это ж сколько всего захватывающего можно узнать. Кстати, а что ты видела? – без насмешки, а вполне даже заинтересованно спросил Дима, удобнее усаиваясь на кровати, как будто собрался слушать

сказку на ночь от Шахерезады.

Откинув сомнения, ведь отступить уже поздно, я выложила ему все. Описывала, как можно живее в красках. И если судить по вытягивавшемуся лицу Димочки, мой рассказ сбил его с ног потоком информации и полностью дезориентировал.

Какое-то время он просто молчал, видимо переваривал.

– Про клад я, конечно, слышал, но кто же его знает. Это может оказаться просто красивой сказочкой. Или, – он многозначительно на меня посмотрел, – Это все-таки не сказочка?

Я пожала плечами.

– Я пока не могу сказать точно. У воспоминаний нет поисковика. Как ты себе это представляешь? Окей Дом, покажи мне, где спрятаны сокровища? Это так не работает. Я пока сама не до конца понимаю, как это происходит. Но я очень хочу вернуться туда. Я хочу узнать почему, я вижу только девочку. Хочу узнать если не о кладе, то хотя бы о блокноте. Ведь с него все началось.

– Его там может попросту не быть, как и клада.

– Ну и что. Значит я узнаю все, что смогу. Потом, я думаю, что не просто так услышала считалку в подземелье. Мне кажется, в ней скрыт смысл. Хочешь ли нет, как потеплеет, я поеду туда, – упрямо насупилась я.

– Мы поедем. И не хмурься, моя маленькая амазонка, – разглаживая образовавшуюся складку между бровями и,

крепче прижимая меня к себе, усмехнулся Дима, – Не хватало, чтобы с тобой опять что-то случилось.

– Угу. Да тебе просто самому интересно стало про клад узнать, – как старуха забурчала я.

Сквозь уплывающее в сон сознание, я чувствовала, как парень поцеловал мою шею.

– Моя маленькая, особенная девочка, – прошептал он.

А может мне это только снилось.

Глава 5

Теплый ветер, как примерный дворник, сгонял с тротуаров прошлогоднюю листву, а мне не терпелось оказаться за городом, вдохнуть полной грудью свежий, чуть горьковатый запах молодых листочков, клейких распускающихся почек. Хотелось насладиться сладким ароматов первоцветов. Природа оживала и мне хотелось стать маленькой частью этого цикла пробуждения. Услышать оживленное чириканье птиц. Город, казалось, давил многоэтажками и гулом машин. Душа хотела вырваться из тела, устремившись навстречу свободе. Интересно какво это быть птицей? Что-то внутри меня радостно клокотало, вызывая невольную улыбку на лице. Хотелось смеяться от переполнявшего счастья, хотелось поделиться этим чувством с каждым. А пока, я старалась осчастливить Диму.

– О чем задумалась, – Дима внимательно следил за дорогой, одной рукой держа руль, а второй мою руку.

– Думаю, как все пройдет.

– Не напрягайся. Как пойдет, так пойдет.

По уже знакомой дороге мы подъехали к каретному двору. С наступлением весны, казалось, и здесь все оживало. Усадьба сиротливо, как будто смущаясь, выглядывала из-за зеленеющих кустарников. На стене второго этажа ютилась тонкая веточка березы. Она храбро тянула свои веточки к солнцу,

из-за всех сил цепляясь корнями за разрушающуюся кладку. Вот он – пример непоколебимой тяги к жизни в любых условиях.

– Тебе будет комфортнее, если никто не будет стоять над душой, – поправляя воротник моей серой ветровки, размышлял Дима, – Я подожду в машине.

– Все время в машине будешь сидеть? Я не знаю сколько времени у меня уйдет на видения.

– Может пройдусь. За меня не переживай. Если что, звони. Без меня только никуда не лезь, поняла? В подземелье потом вместе спустимся.

– Угу. Слушаюсь и повинуюсь, – присела я в шутливом реверансе, когда выбралась из машины. Дима рассмеялся, качая головой.

– Надеюсь, что сегодня мы узнаем все тайны этой усадьбы. Обойдя машину, парень притянул меня к себе и поцеловал. Легкие касания губ стали настойчивее. Я взъерошила его русые волосы.

– Ну все зацеловал. Я сейчас так увлекусь, что не смогу от тебя уйти, – толкнув его ладошкой в грудь, рассмеялась я.

Парень насмешливо приподнял бровь.

– Иди, -подтолкнул меня в сторону барского дома, выпуская из кольца теплых рук.

Чем ближе я подходила к дому, тем волнительнее становилось. Сегодня я решила начать все с начала. Хотела вытянуть информацию по максимуму. Вошла в полукруглую

комнату, ту самую, где впервые увидела девочку-гимназистку с блокнотом. Казалось, что с осени здесь ничего не изменилось. Только влага не успела до конца испариться, из-за чего в комнате навязчиво пахло прелой сыростью.

Растерев руки, я прислонилась спиной к стене и, приложив к ней руки, закрыла глаза. Я отчетливо чувствовала, как незримые нити, оплетающие весь дом, словно кровеносная система, потянулись ко мне. Притянув их к себе, начала смаывать клубок воспоминаний. Дом не сопротивлялся, даже наоборот, выстраивал события в хронологическом порядке. Перед глазами замелькали картинки. Почувствовав свою силу и возможности, я представила, что листаю фотоальбом в старинной обложке. Чувствовала тяжесть страниц, их шероховатость. Стоило только прикоснуться к фотокарточке, она оживала и показывала определенный сюжет. Я запустила один из них.

***

Грузный мужчина с окладистой бородкой в домашнем костюме сидит в кресле у камина, закинув ногу на ногу, внимательно просматривает колонки новой газеты. В воздухе витает едва заметный дымок недавно выкуренной сигары. В комнату вбегает маленькая девочка. Лицо покраснело, кудряшки растрепались и теперь своевольно выбивались из прически.

– Папа, – требовательно зовет малышка.

Это наша девочка-гимназистка. Сейчас ей примерно шесть лет. От такого звонкого голоса я вздрагиваю. Неужели мой дар развился настолько, что теперь я могу не только видеть, но и слышать? От этой новости я воодушевилась еще больше и продолжила просмотр.

Мужчина оторвался от чтения. Черты его лица смягчились, увидев дочь. К ней, по-видимому, он испытывал особую привязанность.

– Ангел мой? – раздался глубокий баритон.

– Папочка, подаришь мне собаку? Подаришь? Собачку, как у тети, только рыженькую с длинными ушками. Я, честно, буду о ней заботиться, – очутившись на коленях у отца, просила девочка, ластясь словно котенок.

– Собака-большая ответственность. Ты знаешь? – напуская серьёзность начал отец, а у самого в глазах заиграли лукавые огоньки.

– Знаю. Я не просто собаку хочу. Хочу друга! – со всей готовностью к ответственности, на которую только могла быть способна, заявила малышка, заправляя за ушко выбившийся локон, совсем по-взрослому, глядя на мужчину, при этом болтая ногами. Такое противоречие заставило меня улыбнуться.

Воспоминание меркнет, но ему на замену приходит другое.

В большом зале между окон стоит высокая пушистая ель, украшенная фонариками, флажками, игрушками и пряниками. Я почти чувствую хвойную свежесть и атмосферу Рождества. Слышится топот детских ног. Первой вбегает уже известная нам малышка, на ней еще одна крошка лет трех, за ними входит статная женщина. Миловидное лицо, добродушная улыбка на тонких губах. У нее на руках мальчик, немногим младше второй крошки. Он хлопает глазками, еще не понимая, что происходит, поэтому жметя к матери, лопоча, что-то свое.

Девочки, оказавшись у ели радостно хлопают в ладоши и смеются. В гостиную степенно входит хозяин дома. Чинно, не торопясь, сохраняя сказочность момента, он начинает раздавать подарки. Сначала самому маленькому. Увидев лошадку на колесиках, мальчик, забывая обо всем на свете, тянет свои ручки к игрушке. Белый конь с шелковым хвостом и гривой выглядит достаточно реалистично. Мальчика сажают верхом и придерживая катят по паркету. Младшей дочери дарят хорошенькую фарфоровую куклу в бежевом платье и пшеничными косами, уложенными на макушке.

А что же нашей малышке? Девочка с удивлением смотрит под елку, ведь там больше ничего нет. Уголки губ опускаются и подрагивают. Она вот-вот расплачется.

– Ну а ты, что загрузила? – опускаясь перед дочерью на колени, спрашивает отец.

Девочка опускает голову.

– Маша, -зовет отец горничную.

В комнату входит женщина, внося еще одну коробку, перевязанную голубой лентой. Глаза девочки загораются надеждой. Дрожащими от нетерпения пальчиками, девочка развязывает ленту и поднимает крышку. Лишь на мгновение она замирает, а потом бросается в объятия к отцу. Тонкими ручками обвив крепкую шею, целует его в щеки. Мужчина, не сдерживаясь, целует ее в ответ.

– Ну, будет, будет. Ступай к своему подарку. Дай ему имя, Анночка.

«Анночка? Какое совпадение!»— озаряет меня мысль.

– Рен, – зовет девочка щенка.

Пухленький рыжий щенок английского спаниеля торопится за своей хозяйкой, громко потягивая.

– Каков горлопан, однако, – шутит отец.

Отрываюсь от этих трогательных воспоминаний, переходя к следующим.

***

Темнота подземелья поглощала поспешно удаляющийся источник света. И девочка в белой сорочке очень скоро осталась в кромешной темноте. Обхватив себя руками, она

шмыгнула носом.

– Папа, папочка, – детский голосок эхом пронесся по коридору.

Шаги замерли, а затем начали поспешно приближаться. Тьму разорвал свет лампы и хриплый голос удивленно произнес:

– Анна? Ты как сюда попала?

Малышка потеряла заспанные глаза и расстроено поджала губы.

– Ты не рассказал до конца сказку и ушел, а я пошла за тобой, – ухватив отца за руку, девочка осмотрелась, – Что это за коридор? Куда он ведет? К сокровищам, как в сказке?

Хотя Аннушка и считала себя взрослой, так как ей недавно исполнилось десять лет, но не осмелилась бы идти по коридору вслед за отцом одна. От прохлады по детскому тельцу побежали мурашки. Некоторое время мужчина обдумывал сложившуюся ситуацию, ища лучшее решение. Короткий вздох вырвался из его широкой груди.

– Эх, Аннушка, ну ты и отчаянная у меня растешь. Другая бы барышня ни за что сюда не пошла.

На освещенном тусклым светом девчачьем личике скользнула улыбка, а в глазах заплясали заинтересованные огоньки.

– Так куда ты шел?

Мужчина хмыкнул в усы.

– Так и быть, открою тебе тайну. Этот ход ведет от до-

ма прямо к гроту у реки. Его построили очень давно, чтобы незаметно от всех попасть в дом или покинуть его. Никому постороннему нельзя о нем знать. Но даже это еще не все. Ход хранит в себе еще одну комнату. Туда я и шел. Хочешь со мной? Не испугаешься?

Девочка вздернула носик.

– Не испугаюсь! Ты учил меня быть смелой.

– И то, верно, – отец с гордостью погладил дочь по голове, – Сейчас я открыл тебе тайну. Береги ее, – Мужчина взял девочку за руку и нахмурился, – Да ты же замерзла. Так дело не пойдет, – скинув с себя домашний сюртук, укутал в него дочь, – Вот теперь идем.

Пока они шли, девочка с интересом осматривала ход, напевая что-то.

Вдруг мужчина остановился. Присел у стены, установив лампу на пол. Анна ведомая любопытством потянулась в перед. Почти у самого пола, среди кладки из кирпича выделялся белый камень. Будешь идти не обратишь на него внимание, а это немало важная деталь. Мужчина с усилием вдавил его в стену и часть её, примерно с аршин в ширину и почти в высоту коридора, на пять вдавилась внутрь. В полу показался механизм. Отец достал из углубления кованый ключ и, вставив его в отверстие, начал проворачивать шестерёнки. Стена медленно поползла в сторону. Показался проход. Небольшая комната оказалась заставленной полками с...

В последующих воспоминаниях я все четче могу просмат-

ривать отношения в семье. У Анны они лучше с отцом, нежели с матерью. Всеми девичьими секретами она, конечно же, делится с матерью, но, если нужен совет, спешит к отцу. Если его нет дома, она пишет трогательные, полные нежности письма.

***

– Мне обязательно ехать?

Встревоженная грядущими переменами девушка подходит к отцу, сидящему за рабочим столом в кабинете, обнимает его за плечи.

– Я хочу, чтобы вы с Катенькой получили хорошее образование. В нашем кругу это важно, ты и сама это знаешь. Это решено вы едите в Петербург.

Анна опускает взгляд и качает головой.

– Хорошо, – сдается она.

– Ну вот и славно. Ты все же девица, а не сорванец. Скоро превратитесь с сестрой в завидных невест, подыщем вам женихов.

– Ах, оставьте, папенька, – отмахивается девушка, краснея, – Я и не думаю об этом.

– Иди собирайся и сестре передай. Позже отправимся на станцию, провожу вас до института. За Реном пригляжу, будь покойна.

– Спасибо, папа. Мне так грустно покидать вас.

Взяв себя в руки, Анна спешит в свою комнату. Закрыв дверь на замок, она подходит к шкафу и достает из белья жестяную коробочку с блокнотом. Погладив шершавую обложку, открывает его на заложенной странице. Девушка садится за столик у окна и долго смотрит в даль. Солнечные лучи, освещая ее личико, придают еще больше нежности, но за этой нежностью прячется характер и сильная воля. Еще мгновение задумчивости, Анна берет перо и начинает писать.

Догорает лето,
Унося беспечность.
Стелется дорога,
Убегает в вечность.
Расставанье близко.
Гложет сердце грусть.
Обещанье дам Вам.
Вскоре я вернусь.
Кому же эти стихи?

***

– Здравствуйте, Сережа. Чем обязаны вашим визитом?

На крыльцо выпорхнула Аннушка, принимая степенный вид благовоспитанной выпускницы института. Раскрасневшиеся щечки выдают нетерпение, она заметила гостя из своей комнаты и спешила первой встретить его.

– Анна, добрый день. Спешил к вашему батюшке с важным разговором, но ослепленный вашей красотой, боюсь не дойду до его кабинета, – выпрыгивая из седла, приветствовал молодой человек, протягивая ей руку.

Девушка вложила в его загорелую ладонь изящные пальчики. Нежной кожи коснулся легкий поцелуй, от которого сердце на минуту замерло.

– Сережа, а когда вы вернулись?

– Пару дней назад. Я надеялся на встречу с вами. Видел вас пару раз в Петербурге, но не имел возможности подойти, уж очень строгое в институтах сопровождение. Счастье в том, что письма передавали в ваше убежище, моя дорогая Аннет.

Анна, пытаясь подавить смущение, опустила голову.

– Не прячьте свои прекрасные глаза от меня. Я из-за них преодолел весь этот путь и ради них готов нырнуть хоть в бездну. Вы ведь это знаете. Чувствуете? Не можете не чувствовать, – Сергей подошел близко ровно на столько, на сколько позволяли приличия, но его проникновенное мужское обаяние окутало девушки, заставляя трепетать.

– У вас талант вгонять меня в краску. Признаюсь, с нетерпением ждала нашей встречи, – гордо подняв подбородок, мягко улыбнулась Анна. Держать лицо, вот чему ее учили. Даже если внутри клокочет лава, если чувства захлестывают, все равно, держать лицо. Но как его держать, если это Сережа. Милый, дорогой Серж, которого она знает с детства,

который является предметом ее воздыхания с далекого дня рождения. Именно в тот день она впервые его увидела.

– Вы получили мое письмо? – перебирая кожаные перчатки в руках, спросил молодой человек с затаившейся надеждой в зеленых глазах.

– Да, я прочла его сразу же, как приехала домой, – девушка перевела взгляд на окна дома. Она точно знала, что сейчас за ними наблюдает из кабинета отец.

Сергей проследил за ее взглядом.

– Мои чувства в вам более чем серьезны. Я намерен сегодня же говорить с вашим отцом, рока он не отбыл в Петербург, а меня снова не вызвали по службе. Никто не знает, что произойдет вскоре, но прежде я хочу... – молодой офицер на мгновение прервал свой пламенный монолог и пробежавшись по лицу своей возлюбленной продолжил, – Я хочу быть с вами, Анна. Станете ли вы моей путеводной звездой? Станете ли вы моей женой?

Девушке казалось, что она дрожит. Чтобы не расплакаться от счастья, она сложила руки в замок и глубоко вздохнув, ответила:

– Вы прекрасно знаете о моих чувствах к вам. И полагаю уже давно. Очень давно, впрочем, как и я о ваших. Конечно же я отвечу вам согласием. Идемте в дом, думаю отец не будет против нашей свадьбы, но я вам об этом не говорила, – заговорщически прошептала девушка, увлекая Сергея за собой на крыльцо.

– Ох, Анна, – офицер взъерошил светлые волосы, – Я люблю вас!

Окрыленный нежными чувствами, Сергей направился в кабинет, послав девушке воздушный поцелуй.

***

Время словно застыло в усадьбе. Как невыносимо долго тянутся минуты, часы, дни для любящего сердца, искренне тревожащегося о своей второй половинке. Война – страшное слово. Когда бы она не началась, с объявлением или без, к ней невозможно подготовиться. Душа кричит от беспомощности и безысходности. Тугой комок скручивается в горле от одной только мысли: «Жив ли»? Письма идут бесконечно долго, а ожидания ответа длиною в вечность.

Анна снова смахнула с щеки побежавшую слезу. От Сергея нет вестей. Хоть отец и обещал постараться узнать хоть что-то, результата пока не было. Да и на него свалилось слишком много проблем. Ситуация в стране накалялась. Крамольные мысли, идеи распространялись подобно метастазам. Тревожно было от того, что вест привычный мир может рухнуть в одно мгновение. Последнее время девушка старалась не выезжать в город без нужды. Там царила угнетающая атмосфера злости и страха. Люди ходили с пустыми глазами, а их лица кривились от ненависти, упрека или же алчности и лишь единицы старались сохранить рассудок и

здравомыслие. Чьи-то идеи и призывы раскручивались обезумевшей толпой до невероятных объёмов и оседали в умах, разъедавая души.

За окном моросил дождь. Анна сидела в гостиной у камина, держа книгу в руках, и не чувствовала его тепла. Пламя жадно пожирало дрова, превращая их в раскаленные угли, отбрасывая на все вокруг алые блики, а девушка плотнее укуталась в шаль. Тревога плела под сердцем морозные узоры, обвивая все её существо щемящими завитками. Как бы она не старалась сфокусировать свое внимание на новом романе, мысли ее были далеко. В очередной раз она тяжело вздохнула, устремив взгляд на потрескивающие поленья, незаметно даже для самой себя, покрутила на пальце помолвочное кольцо на пальце. Кольцо – единственная оставшаяся связь с Сережей.

Хлопнула входная дверь, в коридоре послышались тяжелые шаги.

– Аннушка? – удивленно раздалось в дверях.

– Папа, – девушка, отложив книгу, кинулась в объятия уставшего с дороги мужчины. С последней встречи он заметно осунулся и поседел. Оценив внешний вид отца, Анна поцеловала его в щеку, – Выглядишь замученным.

– Время такое. Много работы. Устал, – махнул рукой мужчина, опускаясь на диван, – Почему в темноте сидишь?

– Задумалась. Есть новости? – Анна обхватила себя руками, стараясь унять дрожь, затаила дыхание в ожидании от-

вета.

Отец отрицательно покачал головой.

– Пока ничего. На передовой полная неразбериха. Все перемешалось.

Некоторое время отец и дочь сидели молча. Даже простое присутствие друг друга придавало им сил. Девушка положила голову на отцовское плече, вдыхая родной запах.

– А почему ты приехал? – насторожилась Анна.

Мужчина приложил палец к губам, вслушиваясь в тишину дома.

– Кто кроме нас в доме?

– Никого. Мама с Катей еще с утра к тете уехали, а кухарка после обеда в деревню отпросилась. Остались только мы с Реем. Как можно скорее

В подтверждение этому в комнату вошел постаревший Рей. Лег у ног хозяйки, глядя на них умными глазами. Отец одобрительно кивнул.

– Мне понадобится твоя помощь. Документы, хранящиеся в тайной комнате, нужно уничтожить как можно скорее. За этим я, собственно, и приехал. Хоть ход и тайный, но у всех есть уши и глаза, сейчас я не могу рисковать. Оденься теплее и спускайся, я буду там.

– Хорошо.

Подземелье встретило прохладой. Вход в тайную комнату был уже открыт и за стеллажами слышался шелест страниц.

– Нужно уничтожить что-то конкретное? – осматривая

пыльные полки, спросила Анна.

– Нет. Все. В дом е понесем. Дождь кончился? – перебирая папки и складывая их в стопки, поинтересовался мужчина.

– Дождь? Да, прекратился.

– Тогда будем выносить папки к реке, там и сожжем.

Девушка кивнула головой, принимаясь сгребать бумаги с полок. Отблески костра плясали по глади воды.

В быстро наступившую темноту взлетали искры. Они поднимались яркими мушками и оседали мертвым серым пеплом на землю, сгоревшей государственной тайной, еще раз напоминая о быстротечности времени и жизни.

***

Осень вступила в свои права. Но ни красота золотой поры, ни сладкий запах спелых антоновских яблок не отвлекали и не радовали глаза. Писем от Сергея так и не было, что еще страшнее не было связи с отцом. По всей стране царил полная неразбериха, после свержения царя. Анна сидела на скамье возле дома, глядя на бескрайние поля тянущиеся на противоположном берегу реки. В воздухе проплывали нити паутины, а может это не паутина, а обрывки чьих-то перерезанных нити жизни, принесенных ветром.

«Ты должна уехать», – твердила мать все последнее время со слезами на глазах. Сестру она уже благополучно отправи-

ла с дальними родственниками во Францию, сама же ждала весточку от отца.

«Куда, мама? Куда я уеду. Я не могу бросить тебя, так же, как и ты не могу уехать, не получив вестей от папы и Сергея. Вдруг они вернутся, а нас не будет». – каждый раз отвечала ей девушка и мать замолкала, пряча подступающие слезы. Они плакали поодиночке долгими ночами, но при встрече подбадривая друг друга.

На коленях лежал голубой блокнот. Сейчас он был единственным, кому она могла открыть свои чувства. Пытаясь отвлечься от тяжелых мыслей, девушка что-то увлечено записывала уже наполовину сточенным карандашом. Строки быстро складывались под грифом. Казалось, все скопившиеся эмоции выливались на бумагу. Закончив, Анна с облегчением выдохнула и прикрыла глаза, откинув голову назад.

– И в вечерней тиши

Под звучанье гитар.

Я приму твой романс,

Как таинственный дар.

Тихий, чуть охрипший голос произнес только что написанные строки стихотворения.

– Ты всегда была очень талантливой, Аня.

Девушка открыла глаза и увидела родное лицо.

– Сережа, – онемевшими губами произнесла она, – Сережа!

Анна бросилась в объятия любимого. Все еще не веря дол-

гожданной встрече, она провела пальцами от подбородка к скулам, зарылась в светлых волосах, опустила руки на плечи, крепко обнимая. Она улыбалась, слезы бежали по щекам.

– Ну что ты, что ты, – Сергей вытирал дорожки слез, ставшими за время войны грубыми пальцами.

Девушка заметила, как он изменился. Глаза, искрившиеся зеленью, посерели и поблекли, как будто их присыпали пылью. Между бровей пролегла складка, скулы заострились. Только осанка все такая же статная, как раньше. И даже за этими изменениями Анна видела все того же юношу с озорной улыбкой, щекочущий её травинкой, того же мальчика, который подарил ей блокнот, того же мужчину с которым она решила связать свою жизнь. Стоя в его объятиях, она чувствовала себя счастливой, но что-то выбивалось из привычного образа.

– Как давно ты вернулся? – отстраняясь, спросила девушка.

– Только что с поезда. Сразу к тебе, – присаживаясь на скамью, ответил Сергей, усаживая милую рядом.

– А почему ты не в мундире?

– Снял, – почти ровно ответил мужчина, но на лице проступили желваки.

У Анны в душе зародился страх. Что с ним происходило все это время? Могли ли происходящие события изменить его? Может сейчас она видит лишь оболочку любимого человека, внутри которого притаился незнакомец. Незнакомец

с новыми убеждениями, способными разрушить и убить.

– Что бы ты не придумала в своей прекрасной головке, прекрати, – устало произнес Сергей, – Меня комиссовали из-за ранения, – он указал на трость, которая до сих пор оставалась незамеченной, – Неужели ты решила, что я предал.

– Столько времени прошло от тебя не было вестей, я уже и не знала, что думать. Да что мы сидим, идем в дом. Матушка будет счастлива.

Сергей нахмурился.

– У меня плохая новость. Услышал в поезде, пока ехал. Временное правительство посадило в тюрьму нескольких министров и чиновников, в их числе твой отец.

Анна ахнула и побледнела.

***

– Открывайте! Немедленно открывайте! – в дверь коло-тили руками и ногами. Слышалась нецензурная брать.

– Здесь больше нельзя находиться! Нужно выбираться. Двери мы заложили, но это их надолго не удержит, – Сергей окровавленной тряпкой сжимал плече.

– Как же там матушка. Подумать страшно, что там творится. Но если бы я оказалась на ее месте, то тоже поехала к тебе в тюрьму, – дрожащими руками Анна перевязывала рану.

– Поверь, я это ценю, – пытаюсь улыбнуться, ответил муж-

чина.

За стенами дома бесновалась толпа.

– Выбиваем окна!

– Да спалить их и делу конец!

– Не смей, поджигать! В доме документы, и эта парочка нужна нам живой.

– Что вам нужно?! – в отчаянии крикнула девушка. Её лихорадило.

– Документы министра! Откройте, мы вас не тронем.

– Ну да, нашли дураков, не тронут они, как же, – приборотал Сергей себе под нос, – С ними бесполезно разговаривать.

– Зачем вы стреляли, если нужны лишь документы? Зачем пса убили? Пришли бы с ордером, вам и так все отдали, – негодовала девушка.

– Твоего отца будут судить. Документы могут сыграть немаловажную роль, – выкрикнули снаружи.

– Сомневаюсь, что решение будет в пользу моего отца, кроме того, он не хранил важные документы дома.

– Вот мы и проверим, хранил или нет! – зарычали снаружи, налегая на дверь.

– Нас не выпустят живыми. А если и не убьют сразу, то нас ждут тюрьма, допросы, ссылка, а то и того хуже – расстрел, – констатировал ситуацию Сергей.

– Кто эти люди? – пытаюсь успокоиться, спросила Анна.

Сергей горько усмехнулся.

– Новая власть.

– Но ты говорил...

– Я ошибался. Слишком много смертей. Я уже и сам ничего не понимаю. Собирай необходимые вещи, будем выбираться отсюда.

В дверь снова полетели удары, но в этот раз ее решили выломать.

– Они не будут ждать, пока мы придумаем, как выбраться из этого кольца. Но выход есть! – девушка как-то разом подобралась, засуетилась. Покидав в узел теплые вещи, документы, деньги, немного еды, мешочек с драгоценностями, на крайнюю нужду, жестяную коробочку, достала из шкафа чистую наволочку и сгребла в нее все имеющиеся лекарства, – Теперь вроде все. Пойдем, – Анна пыталась улыбнуться, но вышло что-то больше напоминающее оскал загнанного зверя.

Мужчина дернул щекой. Не было времени на расспросы. Рана кровоточила, силы могли покинуть его в любой момент.

– Тайный ход? – удивился мужчина, когда за громоздким зеркалом в кабинете оказалась дверь в подzemелье.

– Удивлен? Думала в любом имении имеются тайники и запасные выходы.

– Ты права, но у нас были только тайники, да и то пустые. Брат так и не научился вести дела. Наше имение на грани банкротства. Точнее было.

– Я о нем случайно узнала в детстве. Мне тогда лет десять

– одиннадцать было. Это была наша с папой тайна, – вернув зеркало на место и закрыв дверь, рассказывала девушка, спускаясь по порожкам в подzemелье. Лампа тускло поблескивала во тьме.

За спиной послышался приглушенный грохот, а затем дом наполнился стуком сапог о паркет и руганью.

– Поспешим. Мы должны успеть добраться до укрытия, пока они поймут, что нас нет в доме. В окно я видела среди них бывших служащих усадьбы, возможно они продались. Возможно, они знают про ход. Отец говорил, что и у стен есть глаза и уши, – ухватив Сережу за здоровую руку, Анна увлекала его все дальше в подzemелье.

– Даже если мы выберемся, то от погони не уйдем.

– Нам и не нужно.

За стеной слышались голоса.

– Они собираются завалить ход, – не открывая глаз, прошептал Сергей, лежа на тахте, стоящей в углу. Лампа коптила, еле освещая бледное лицо мужчины.

– Мы выберемся, несмотря ни на что, – Анна поправила плед, укрывающий Сергея.

– Приляж со мной, – раздалось в тишине.

– Что?

– Приляж. Нам обоим понадобятся силы, к тому же вместе будет теплее. Отсюда слышу, как у тебя зубы стучат. Что я за мужчина такой, если не могу о тебе позаботиться.

Анна прилегла рядом, укрыв себя половиной пледа. Теп-

ло. Ровное сердцебиение мужчины успокаивало. Впервые за долгое время она позволила себе расслабиться. Громкий взрыв сотряс тайную комнату. Девушка дернулась, широко открывая глаза.

– Я уснула... они взорвали...

– Чш-ш. успокойся, – послышалось за спиной.

– Сережа, как твоя рука? – забеспокоилась девушка.

– Уже лучше. Могу шевелить пальцами, значит кость не задета. Сразу не смог точно определить, а так... до свадьбы заживет.

– Ну хоть что-то хорошее.

Морщась, Сергей повернулся на бок. Его взгляд коснулся каштановых волос, выбившиеся из прически прядки, обрамлявших личико Анны, длинных ресниц и глубоких синих глаз.

– Не смотри так на меня, смущаешь, – чувствуя, что начинает краснеть, попросила девушка, пряча лицо в плед.

Мужчина потянулся пальцами к лицу, отводя выбившуюся прядь за ухо.

– Не лишай меня этой маленькой радости. Любоваться тобой, касаться, говорить с тобой. Сейчас мы можем позволить себе эту слабость. Только сейчас, позволь быть рядом.

Он придвинулся ближе, прижимая к себе хрупкую фигурку.

– Так спокойно. Как бы сложилась наша жизнь будь все иначе? – зарываясь лицом в девичьих волосах, размышлял

вслух Сергей, – Если бы я не получил ранение.

– Одному Богу известно, как бы она сложилась. Быть может я была бы уже мертва, – уткнувшись лицом в сильное плечо, ответила девушка, – Иногда, мне кажется, что у нас вообще нет выбора. Наша жизнь расписана еще до рождения.

– М-м. Не могу с тобой полностью согласиться, – поглаживая девушку по плечу, задумался мужчина, – Даже если сюжет нашей жизни прописан, он имеет не только главные дороги, но и тропинки отклонения. В тот момент, когда мы стоим перед выбором, только нам решать на какую дорогу ступить. Иногда мы совершаем выбор на уровне подсознания, неосознанно, а порой долго обдумываем, советуемся, но все равно, решение остается за нами. Поэтому не стоит никого винить.

– Думаю, ты прав.

Девушка потянулась пальцами к мужской щеке. Прикосновение, почти невесомое, но такое необходимое для них обоих.

– Не оставляй меня одну. Прошу.

Яркий коктейль чувств смешался во взглядах.

– Даже если разлука прописана в нашей жизни, давай найдем такой путь, чтобы идти рука об руку.

Долгий поцелуй, объятия, касания кожи...

– Я сделаю все, чтобы быть рядом с тобой, Аня, – между поцелуями ответил Сергей.

Они покинули комнату глубокой ночью. Анна с грустью окинула их последнее убежище.

– Прощайте, – шепнув напоследок.

Видение, оплетающее мой разум, осыпалось истлевшими нитями, выпуская меня в реальность. Несмотря на весеннюю прохладу, кожа горела. За несколько минут я увидела целую жизнь. Достала телефон, устало опустившись на пол.

– Ты все? – раздалось удивленное в трубку.

– Ага. Думаю, пора спускаться.

Внизу нечего не изменилось.

– На встречу с сокровищами, – словно пират на корабле, шуточно прокричал Дима.

Я усмехнулась.

– Иди давай и под ноги смотри, а то наступишь кому-нибудь на хвост.

– Рано еще для хвостатых. Что ты увидела?

– Здесь уместнее сказать «вся жизнь перед глазами пролетела» хорошо, что не моя.

– Сокровища или что там правда есть?

– Вот сейчас и узнаем, что там есть, – до последнего интриговала я.

– Тайник?

– Не совсем. Кстати, помнишь, я говорила тебе о стишке. Это девочка так зарифмовала местонахождение подземелья.

– Довольно умная девочка.

– Кажется здесь, стой.

Здесь? Но тут же нет ничего, – осматривая стены, сказал Дима.

– А что ты, собственно, ждал, – сложив руки на груди, спросила я, – очередное клише, типа факела в стене, а может баннер «Добро пожаловать в тайник»?

Парень пожал плечами.

– Ну удиви меня.

– Да легко. Что ты видишь? – указала я на стену справа от себя.

– Стену.

– Может на стене что-то странное?

– Издеваешься? – склонив голову на бок, спросил парень.

– Немного, – озорно сощурилась я, – Почти у самого пола белый камень, будь добр, нажми на него.

Камень вдавился в стену с жутким скрежетом, раздался щелчок, в стене появились щели прохода, но этого было недостаточно.

– Уоу, – присвистнул парень, – А что дальше?

– Стена должна была войти глубже, попробуй на нее надавить.

– Легко.

И пусть это оказалось не так уж и легко, стенку мы все же вдавили. В полу показалась ячейка с механизмом.

– Там вроде как ключ должен быть, – пытаюсь хоть что-то разглядеть из-за Диминой спины, сказала я, – Ничего не

вижу, ты что широкий такой?

– Держи фонарь, – пропустил мои возмущения мимо ушей парень.

Даже неловко стало.

– Скажи как ты меня терпишь?

– Я не терплю, а принимаю такой какая есть и восхищаюсь. – посылая мне воздушный поцелуйчик, смеясь, ответил Дима.

– Ты сводишь меня с ума, – присаживаясь рядом на корточки, ответила я.

– О, пошло кажется.

Медленно, скрипя и периодически заедая стена поползла вбок. На долю секунды Дима замер с открытым ртом, когда показалась комната.

– Не ожидал я такого поворота. Думал, ну тайничок, а тут прям с размахом.

Здесь почти ничего не изменилось. Вдоль левой стены стояло несколько стеллажей. Некоторые из них обвалились. У дальней стены стол, простой без изысков, слева в углу тахта, покрытая, как и все здесь вековой пылью.

– Гляди, что нашел, – окликнул меня Дима.

– Что? – заинтересовалась я, отвлекаясь от созерцания пыли.

– Металлическая перьевая ручка. Их запатентовали только в 1803 году. А это глянть какая. Резная. Может даже на заказ делалась.

– Классная. Где нашел?

– В столе, – продолжая крутить ручку в руках, ответил парень.

– Там еще что-то ест?

– Нет.

Я подошла к тахте и присела на край.

Видимо столетняя мебель было против такого кощунства.

Одна из ножек, жалобно скрипнув, подкосилась.

– М-да, – стряхивая с себя пыль, поднялась я.

– У тебя что-то упало?

– Нет.

– Звук такой был, будто что-то железное упало.

– Железное? Ну ка подожди. Я опустила на колени, заглядывая под тахту.

– Что там?

– То, что я уже и не надеялась найти. То, с чего все началось. Можешь отодвинуть ее?

– Конечно, но за целостность не отвечаю.

Первое передвижение за столетие тахта перенесла на удивление стойко. Я в предвкушении стерла пыль и паутину с жестяной коробки.

– Он здесь. Блокнот, -меня охватил такой восторг, что руки подрагивали, – Я всё-таки его нашла.

– Не пугай меня. Ты сейчас Голума напоминаешь, – усмехнулся Дима, – В любом случае здесь больше ничего нет. пойдём, на свету посмотрим твоё сокровище.

Прижав жестяную коробочку к груди, направилась к выходу.

– Закроем все как было, – предложила я.

– Само собой.

Уже направляясь домой, я рассказала Диме все воспоминания, что смогла увидеть.

– А как же все эти истории про клад? – немного расстроился парень.

– Не было никогда никакого клада и сокровищ. Кто-то давно краем уха услышал о подземелье и сочинил красивую сказку о спрятанных драгоценностях. Все мы любим обманываться красивыми историями о кладах и легендами, так жить интереснее. И вообще я думаю, что не стоит распространяться о ходе и тайной комнате.

– Думаю, ты права. Провал мы закидали, вход из дома заложен, в гроте завален. Если о ней узнают, то просто разнесут и загадят, как и все остальное. К сожалению, не все люди умеют ценить, то, что имеют. Пусть тайная комната так и останется тайной.

– Да, только уже нашей тайной.

Анна – девочка-гимназистка выросла во взрослую женщину на моих глазах. Я видела ее счастье и боль, достижения, слезы и любовь. Она оказалась очень талантливой девушкой. В своем голубом блокноте Анна хранила не просто свои записи о жизни, в нем были ее чувства, выраженные в рисунках, стихах и прозе. Восстановив в голове последо-

вательность воспоминаний и записей, я получила трогательную историю взаимоотношений отца и дочери, историю любви, зарожденную еще в детстве и взращённую с годами.

Последняя запись была сделана в тайной комнате.

«Бежать из собственного дома, словно вор. Могла ли я вообще думать о таком? Нет. Я так отчаянно старалась сохранить привычный мир, но он рухнул мне на плечи и раздавил бы, если не Сережа. Милый, дорогой Сережа, я благодарна тебе, что ты так отчаянно пытался меня защитить от этой боли, но я должна была это узнать. Еще вчера пришло письмо от папы. Его последнее письмо. Я не смогла сдержать слез. Оно было в крови. Его передал человек, которому когда-то давно помог отец. Не знаю, как ему это удалось. Слова из этого письма, наверно, навсегда будут в моей голове, но я сохраню его. До самого конца папа беспокоился о нас, обо мне. Благословил меня выйти замуж за Сержу и сказал, что будет молиться за нас там, куда попадет. Маму расстреляют вместе с ним. Как же тяжело оставить все, что тебе дорого в прошлом и сбежать. Сбежать с Родины, от воспоминаний, от себя. Смешно. От себя то не сбежишь. Сейчас мы постараемся выбраться отсюда и направимся за границу к сестренке. Жаль не могу взять с собой блокнот. А может и не к чему, ведь прошлое должно остаться в прошлом. Прощайте!»